

За чужими
окнами

Читайте повести и рассказы
Марии Метлицкой
в серии «За чужими окнами»:

Наша маленькая <i>жизнь</i>	Верный <i>муж</i>
То, что <i>сильнее</i>	А жизнь была <i>совсем хорошая...</i>
Машкино <i>счастье</i>	Ее последний <i>герой</i>
Беспокойная жизнь <i>одинокой женщины</i>	Вечный запах <i>флоксов</i>
Второе <i>дыхание</i>	Женский <i>день</i>
Испытание <i>медными трубами</i>	Кровь <i>не вода</i>
Всем <i>сестрам...</i>	Можно я побуду <i>счастливой?</i>
И шарик <i>вернется...</i>	Женщины, <i>кот и собака</i>
Дневник <i>свекрови</i>	Миленький <i>ты мой</i>
После <i>измены</i>	Фиалки <i>на десерт</i>
Ошибка <i>молодости</i>	Я буду любить тебя вечно
Дорога на <i>две улицы</i>	Его женщина

Мария
Метлицкая

Его
женщина

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Оформление серии *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 Его женщина / Мария Метлицкая. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 384 с.

ISBN 978-5-04-194246-5

Помните: «Счастье — это когда тебя понимают»? Далеко не все испытали это счастье — найти свою половинку, человека, который тебя понимает, принимает тебя таким, какой ты есть, не пытаясь переделать, перевоспитать.

Писатель Максим Ковалев был уверен, что в его жизни ничего произойти не может: он популярен, богат, давно и прочно женат. Жена в свое время «вывела его в люди» и с тех пор направляет твердой рукой, не давая поблажек, наказывая за слабости и поощряя за успех. Была ли эта жизнь счастливой? У Максима не было времени об этом подумать.

Но однажды — как часто все меняется в один момент под влиянием этого «однажды»! — он получил письмо от благодарной читательницы. Марина Сторожева писала, что книги Максима спасли ее от одиночества и тоски, помогли поверить, что жизнь стоит того, чтобы ее продолжать.

Это письмо стало вспышкой молнии. Ковалев задумался, так ли он живет, а главное — та ли женщина рядом с ним.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-194246-5

© Метлицкая М., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

*Добрый день, Максим Александрович!
Простите за беспокойство. Впервые пишу писателю, да
еще уважаемому и очень любимому!*

*Поверьте, я никогда не писала незнакомым людям. Да
и вообще никогда не писала писем.*

Хотя «незнакомым» я вас назвать не могу – мне кажется, что мы с вами давно и близко знакомы! Понимаю, что выглядит это смешно. Наверняка таких, как я, у вас сотни и даже тысячи. Тысячи тех, кто хочет выразить вам свою благодарность, почтение и любовь. Не сомневаюсь в этом ни одной минуты! Ваши книги, полные искренности и живой, пронзительной, жизненной и человеческой правды и, как мне кажется, щемящей откровенности, позволяют мне считать вас человеком знакомым и близким.

Не подумайте бога ради, что я принадлежу к той когорте навязчивых и чокнутых почитательниц, фанаток, хватавших белого автора за рукав. Нет, честное слово, это не так! Просто вы так затронули мою душу, что осмелилась вам написать. А для чего я это делаю – не понимаю, ей-богу... Уверена, что вы безумно устали от вечных назойливых поклонниц и поклонников. Но что поделать – наверное, это одна из стопон медали славы.

В своем сумбурном и бесполковом письме я просто хотела сказать вам спасибо, выразить свою признательность и благодарность. Спасибо за честность, за то, что не пытаешьесь сделать людей и жизнь краше, белее, чем они есть. Не старай-

тесь потрафить читателю, польстить, наивно обнадежить его, заморочить ему голову, окуная в несуществующий мир грез и фантазий.

Это, надо сказать, большое мужество. Большое мужество не стафаться понравиться всем.

Только что я прочла ваш последний роман. Как я ждала его, считая дни до его выхода!

Как вы поняли, здесь я говорю про вашу последнюю книгу – «Не позволяй мне уйти».

Простите, но почему-то мне кажется, что здесь много автобиографического. Возможно, я ошибаюсь. Это, наверное, глупое предположение. Хотя не может человек, не переживший подобное, так пронзительно, глубоко и честно об этом писать!

Мне многое созвучно в этой книге – вас, наверное, это не удивляет. И об этом вам тоже пишут, уверена.

Прочитала про вас в Википедии – правильно, все совпало. Мы с вами примерно одного поколения, мы – земляки, я тоже москвичка. Мы родились и выросли в одной стране, и это многое объясняет. Нам, столичным жителям, многое было доступно – выставки, театры, музеи. Мы слушали одну музыку, смотрели одни и те же фильмы, читали одни и те же книги – это я почерпнула из ваших интервью. Знаете, так странно – наши вкусы совпадали во многом! Я, как и вы, с большим трудом прошла через девяностые годы. Впрочем, тут нет ничего удивительного – тогда так жила вся страна. Вся наша бедная страна, в очередной раз переживающая нищету, унижения и немыслимый бафдак.

И все же мы выжили – вопреки всему. И после всего этого ада, сумятицы, всеобщей растерянности, страха, почти катастрофы мы смогли выползти, подняться на ноги, устоять и даже сделать карьеру. Правда, не все, увы.

Мне близки ваши представления о человеке и мироустройстве – здесь мы снова совпали. И это бесконечно меня радует.

Мария Метлицкая

Ой, перечитала и испугалась. Мне стало страшно неловко... Как же я загрузила вас, господи! Зачем вывалила на вас весь этот бред? В который раз извиняюсь перед вами! Но привить ничего не буду. Если начну – точно не отправлю, удалю письмо.

Простите за сумбурность, за сбивчивость, за путанный слог. Простите за мой душевный порыв. Еще раз спасибо за вашу книгу, за ваши прекрасный и тяжелый труд, который помогает нам выживать и оставаться людьми!

С огромным уважением и благодарностью,

Марина Николаевна Сторожева, учитель музыки.

Спасибо!

Марина

Господи, зачем? Зачем я написала ему? Глупость какая... Стыдно.

Вечно мои душевные порывы, от которых мне потом только стыдно.

И жизнь ведь ничему не научила — вот он, пример! Сколько раз мордой об стол — и опять.

Одна надежда — он не прочтет. Конечно же, не прочтет. Сколько их таких, сумасшедших поклонниц! Сколько старых и молодых дур, всю жизнь ищащих смысл жизни и ждущих ответа, пишут ему. Имя им — легион.

Впрочем, нет — я ответа не жду. Значит, кое-что в голове осталось. Какие-то крохи, остатки разума. Клиimax. Вот его проявления.

Конечно, клиimax и одиночество. И снова мои сомнения. Я никогда ничего не могла решить сразу. Я никогда не могла сразу решиться! Всю жизнь я толкалась на пороге, стесняясь или боясь толкнуть дверь рукой и зайти. Всю жизнь я была стеснительной, закомплексованной. Всю жизнь я чего-то боялась. Я никогда не умела настаивать, требовать. Просить. Я стеснялась себя обнаружить. Всю жизнь я была страшной трусишкой. А тут — на тебе, осмелела!

Господи, но как же неловко! Не смогла справиться, остановить себя, дать себе по рукам. Дура — она и есть дура.

Его женщина

Да и черт с ним, с письмом! Что я себя терзаю? За что стыжу? Подумаешь – написала! Да, под влиянием эмоций и настроения. Тоже мне, преступление! Еще одна сумасшедшая тетка. Наверняка он давно к этому привык. Посмеется и письмо удалит – спам. Делов-то с копейку! А скорее всего – не прочтет. У него – в отличие от меня, бездельницы, – куча всяких важных дел. Встречи с читателями, командировки, поездки. В конце концов – серьезная работа. Семья – жена, дети.

Ладно, хватит себя корить! Прости себе минутную слабость. Вот так всегда – сделаю что-нибудь, а потом... сжираю себя, как самка богомола сжирает самца.

Хватит, все. Займись-ка делами, Марина!

Какими делами, господи? Ах да! У меня много дел! Только – каких?

Как же я ненавижу праздники! Просто до дрожи, до тошноты. Именно в эти дни, когда страна отдыхает, предается веселью, зазывает гостей, накрывает пышные столы, поет и танцует. Когда все радуются друг другу, обнимаясь в тесной прихожей, и с кухни тянет пирогами и жареной уткой, а под елкой лежат подарки и разгоряченные, усталые хозяйки торопливо поправляют прическу. Когда возбужденные мужчины торопятся домой с букетами тюльпанов и гвоздик, нервно нащупывая и проверяя наличие картонной коробочки с духами в кармане плаща. А их ожидающие праздника и подарка нервные супруги поглядывают в окно. Когда влажно и свежо пахнут молодые клейкие первые листочки на деревьях и семья съезжается на дачу, открыв новый сезон, и шумно от радостных возгласов и вскриков, все душат друг друга в объятиях и торопятся усесться за стол, накрытый в саду, под яблоней. И кипит самовар, и пахнет укропом из банки с малосольными огурчиками, и в бидоне настаивается, ждет своего часа окрошка, и тянет дымком от мангала. Вот

тогда мне особенно плохо. Вот тогда я особенно остро чувствую, что я — одна. Одна на всем белом свете. Невзирая на наличие дочери, матери и любовника. И все эти праздники, семейные и государственные, для меня сплошная мука и унижение.

А ведь есть еще и мой день рождения! Как я ненавижу этот день! Как хочу, чтобы его вообще не было на календаре — эх, если можно бы было стереть эту дату! Как я жду утра следующего дня, радуясь, что все наконец прошло! А ведь когда-то я его очень любила! Когда все было по-другому, когда у меня была семья. Когда все были вместе. Когда вообще все было! Не просто по-другому — просто все было. И все еще были...

Как я ждала этот день, как готовилась к нему — покупала новое платье, делала прическу, пекла пироги. И ждала — мужа с работы, дочку из садика, маму, гостей. Как много тогда в моем доме было людей! Родни, приятелей — Сережкиных и моих. Было громко, весело, вкусно. Все танцевали. Сережа приглашал мою маму. А она очень смущалась. Как это было давно! Словно сон.

Сейчас все по-другому: другая жизнь, одиночество. Полное, тотальное одиночество. При живых близких, при любимом вроде мужчине. «Вроде» — точно сказано. Самой стало смешно. Вся моя жизнь — вроде. Вроде как есть, а на самом деле...

Дочь. Моя дочь Ника. Она тоже, слава богу, есть! Господи, что за фраза получилась — самой стало страшно. Нелепая, страшная, но — правдивая. Вроде как. Почему вроде? Да потому, что она, моя дочь, далеко! За тридевять земель, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве. На краю света. Далеко от меня. Это, конечно, фигура речи. Полтора часа, если по пробкам. Ну, в крайнем случае — два. А видимся мы раз в месяц, не больше. Даже реже — я ей не нужна. Совсем.